

Глава 6. Политическое время в глобальном мире

6.1. Определение политического времени: хронос и кайрос

6.2. В поисках шкалы политического времени

6.3. Наступит ли вновь осевое время истории?

6.4. Время политики и время культуры: совпадения и различия в ориентации и перспективе

Вопросы для обсуждения и дискуссии

6.1. Определение политического времени: хронос и кайрос

Сколько бы различны ни были типы исторического сознания, использующие те или иные символы,— сознание кайроса, необычайного момента в истории, может выражаться в каждом из них.

П.Тиллих

Политические культуры разных цивилизаций отличаются своей временной ритмикой: есть динамичные культуры, неудержимо устремленные в завтрашний день, но есть и другие, где замедленный ритм времени рождает вечное томление “по утерянному раю”. Поэтому в диалоге цивилизаций нет единого для всех пространства-времени, и это рождает один из драматических парадоксов хронополитики: чем более медленную временную ритмику имеет цивилизация, тем выше вероятность того, что ее традиционное политическое пространство станет сокращаться под влиянием вторжения более динамичных культур.

Что же такое политическое время и какие типы политического времени знает история?

Уже древнегреческие философы различали хронос— формальное время и кайрос—подлинное время, исполненное содержания и смысла. П.Тиллих, размышляя над понятием “кайрос”, подчеркивает: “Лишь для абстрактного, отстраненного созерцания время является пустой формой, способной вместить любое содержание; но для того, кто осознает динамический творческий характер жизни, время насыщено напряжениями, чревато возможностями, оно обладает качественным характером и преисполнено смысла. Не все возможно во всякое время, не все истинно во всякое время и не все требуется во всякое время”.

Политическое время — это время-кайрос, стерегущее эпохальные моменты истории. Его пульсацию можно почувствовать в маленьких политических кружках и на многотысячных митингах, где проявляется духовная тревога; оно может обрести силу в

пророческом слове политического трибуна. Но политическое время нельзя продемонстрировать и навязать: оно свободно, подлинно и уникально, ибо само является судьбой культуры.

Политологи давно заметили различия между циклическим и линейным типами политического времени. Циклическое, вращающееся по кругу время характерно для цивилизаций Востока. Циклическая временная ритмика полна драматических взлетов и падений, подчиняющихся перераспределительному принципу: на политической сцене возникают и исчезают все новые и новые фантомы. Но драматическая насыщенность циклического времени политическими событиями — войнами, революциями, диктатурами — не связана с ускорением динамики временного развития. Маятник политических часов в одном ритме отсчитывает свои циклы.

Иным выступает линейное политическое время, стремительно движущееся вперед по пути прогресса. Западная цивилизация первой освоила этот тип времени. Но можно ли назвать ее политическое время действительно линейным? Запад знал длительные периоды войн, революций, массовых эпидемий, отбрасывающих общество назад. Но наряду с этим из поколения в поколение накапливались показатели прогрессивного развития — в экономике, политике, социальной сфере. Несомненно, термин “линейное время”—это упрощенная формула, за которой скрываются неоднородные глубинные ритмы, подспудные движения, причудливые в своей неожиданной направленности.

Политологи долго считали линейное политическое время эталонным. На первый взгляд преимущества линейного времени перед циклическим очевидны: политические эволюции, связанные с непрерывными кумулятивными эффектами, предпочтительнее политических взлетов и падений, выступающих фазами циклического времени.

Однако линейное время есть непрерывная эволюция в одном направлении, когда общество неуклонно совершенствует одну модель развития. Для западной цивилизации—это модель либеральной демократии. Линейность политического времени позволила Западу очень быстро развить свой культурный потенциал, но так же быстро и исчерпать его. Уже сейчас раздаются голоса о том, что наступил “конец истории”, у либеральной демократии нет альтернативы. Даже откровенные апологеты западной цивилизации, каким, несомненно, является Ф.Фукуяма, жалуются на скуку: “Конец истории печален. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма,— вместо всего этого — экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворении изощренных запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории. Признавая неизбежность постисторического мира, я испытываю самые противоречивые чувства к цивилизации, созданной в Европе после 1945 г., с ее североатлантической и азиатской ветвями... Быть может, именно эта перспектива многовековой скуки вынудит историю взять еще один, новый старт?”

Что же происходит с цивилизацией в ритмах линейного времени? Размышляя над механизмами этого времени, А.С.Панарин отметил, что линейность становится возможной благодаря инструментальному отношению к миру. Информация, относящаяся к области средств, отделяется от информации, относящейся к сфере ценностей, и появляется особый орудийный мир: “Собственно, специфика Запада состоит в этом скрупулезном отделении инструментальных средств от ценностей и опережающем приращении инструментальной информации по сравнению с

информацией ценностной. Прежние культуры умели создавать непревзойденные шедевры, относящиеся к ценностному миру, но они не владели тайной отделения мира ценностей от мира ценностно-нейтральных средств, от орудийной сферы”. Благодаря инструментальному отношению к миру Запад сумел набрать высокие темпы развития во всех сферах культуры, близких к материальному производству. Но в ценностной сфере он опирается на примитивный идеал “потребительского общества”. Перманентный кризис культуры на протяжении XX века, молодежные бунты “потерянного поколения”, вызовы контркультуры — высокая плата за инструментальное отношение к миру, за пренебрежение миром ценностей. Развитие в одном направлении неизбежно накапливает “усталость” в самых разных измерениях социума. Экологический кризис — наиболее грозный симптом такой усталости, когда ресурсы природы быстро исчерпываются и цивилизация начинает задыхаться, не выдерживая набранных темпов развития. Моральная усталость—еще один серьезный симптом линейного времени.

Люди пресыщаются одними и теми же эталонами жизни и поведения, молодежь перестает верить в идеалы отцов, наступает эпоха всеобщего декаданса. Вера в прогресс оказывается иллюзией настоящего и утопией будущего. Как заметил С.Л. Франк, “нам остается только удивляться наивности поколений, ее разделявших”.

Но самой главной ловушкой линейного времени оказалась его способность провоцировать политиков возможностями “ускорения” —ускоренного политического времени, приближающего заветные цели. В массовом потребительском обществе человек не умеет и не хочет ждать, он живет сегодняшним днем. Это — пострелигиозный человек, поверивший в земные возможности технической цивилизации. И политики, чтобы привлечь избирателей, используют миф ускоренного времени. Так родилась утопия “великих скачков” (Мао Цзэдун: “десять лет напряженного труда—десять тысяч лет безоблачного счастья”, Н.Хрущев: “построим коммунизм за 20 лет”), мифология ускорения (М.Горбачев).

История показала, что каждый “великий скачок”, каждая попытка перевести стрелки политических часов на несколько делений вперед заканчивается катастрофой—общество неизбежно отбрасывается назад. Россия на наших глазах переживает чудовищные последствия очередного “ускорения” — невиданное прежде падение производства, инфляцию, безработицу.

Миф ускоренного политического времени необходимо разрушить, противопоставив ему идею долгосрочного политического времени, совпадающего с ритмом национальной культуры. Настало время реабилитировать цикличность в хронополитике — наиболее естественный природный временной ритм.

6.2. В поисках шкалы политического времени

Таков круговорот государственного общежития, таков порядок природы, согласно которому формы правления меняются, переходят одна в другую и снова возвращаются.
Полибий

Человек всегда обращал внимание на то, что мир Природы живет по законам циклического времени: сменяют друг друга дни и ночи, приливы и отливы, времена года. Современная медицина доказала, что работа не только человеческого сердца, но и всего человеческого организма происходит в ритмах цикла: автоматические компенсирующие реакции возникают всякий раз, когда человеческое тело выходит из состояния покоя.

Линейные процессы в природном мире аномальны из-за своей разрушительности: непрерывное развитие в одном направлении заканчивается катастрофой. Представьте на минуту — вечный дождь, вечное ослепительное солнце, вечный снег или непрерывное увеличение численности животных одного вида, например кенгуру...

Прекрасно, что такое невозможно в действительности. Логично предположить, что мир цивилизаций должен подчиняться тем же закономерностям, что и природный мир. Восточные культуры, развивающиеся циклично, насчитывают тысячелетнюю историю, не нарушившую гармонии человека и природы. Западная цивилизация за несколько столетий ускоренного линейного развития привела человечество к невиданной экологической катастрофе. Означает ли это, что цикличность политического времени — необходимое условие развития цивилизаций? Или цикличность — фактор случайный, подлежащий замене?

На значение цикла в истории цивилизаций обращали внимание многие философы. Платон, Аристотель, Полибий, Дж.Вико, Н.Данилевский, О.Шпеглер, Н.Гумилев с разных позиций отстаивали идею цикличности политического времени. Однако эвристическое значение цикла для понимания феномена времени, его интегративные возможности были впервые в полной мере раскрыты благодаря диалектике Гегеля.

Закон отрицания отрицания объясняет цикличность как “идущее вспять обоснование начала и идущее вперед дальнейшее его определение”. Поэтому цикличность политического времени не означает неизбежного возвращения политической истории к одному и тому же. “Возвратное приближение к началу”, по Гегелю, происходит всегда на качественно новой основе, и каждый новый цикл представляет собой виток, разомкнутый на следующий оборот круга, а развитие в целом приобретает форму спирали — восходящей или нисходящей.

Спираль политического времени наряду с цикличностью включает также преемственность и поступательность. Преемственность политического времени заключается в органическом смыкании последовательных стадий развития, в непрерывном накоплении, собирании и наследовании всех его жизнеспособных

элементов. Поступательность времени можно представить как последовательное и постепенное продвижение вперед — вверх или, напротив, назад — вниз.

Какое определение можно дать циклу политического времени?

Дж.С.Милль полагал, что исторические циклы следует измерять “интервалами в одно поколение, в течение каждого из которых новая группа человеческих существ получает образование, прощается с детством и овладевает обществом”. А.Шлезингер определяет политический цикл как “непрерывное перемещение точки приложения усилий нации между целями общества и интересами частных лиц”.

Но приведенные выше определения еще ничего не объясняют. Даже если все сказанное верно, то почему все-таки возникают циклы политического времени? Что их определяет?

Большинство исследователей, среди которых такие признанные авторитеты, как О.Конт, Х.Ортега-и-Гассет, К.Мангейм, А.Токвиль, считают, что главной движущей силой политического цикла выступает жизненный опыт поколений. Токвиль утверждал, что в демократических нациях каждое поколение — это “новый народ”.

Ортега-и-Гассет видел в каждом новом поколении “очередную интеграцию социального организма, точку опоры, от которой зависит движение исторической эволюции”

Опираясь на концепцию поколения, можно предположить, что ритм политического времени в каждой цивилизации зависит от жизненного ритма поколения, господствующего на политической сцене. Смена поколений приводит к смене циклов политического времени. Но поколение — это весьма приблизительное понятие для академической науки. Скорее, это даже не категория, а метафора. Поколенческие циклы весьма приблизительны, их не определишь с математической точностью.

Однако многие западные историки, проанализировав обширные фактические данные, пришли к выводу, что политическая жизнь поколения длится около 30 лет (Мангейм, Ортега-и-Гассет, Шлезингер). Каждое поколение, достигнув совершеннолетия, тратит первые 15 лет на вызов поколению, стоящему у власти. Затем это новое поколение само приходит к власти на 15 лет, после чего его политическая активность слабеет и новое подрастающее поколение начинает претендовать на роль преемника.

Шлезингер, обращаясь к американской политической истории, доказывает, что концепция тридцатилетнего цикла объясняет как наступление эпох общественной целеустремленности (Т.Рузвельт в 1901 г., Ф.Д.Рузвельт в 1933 г., Дж.Ф.Кеннеди в 1961 г.), так и возникновение подъемов волны консервативной реставрации (20-, 50-, 80-е годы).

В России поколенческие циклы вычислить сложнее: они часто прерывались грозными политическими стихиями — войнами, революциями, 70-летней тоталитарной диктатурой. Но главный вывод, следующий из концепции поколения, политический опыт России подтверждает: динамика политического времени зависит от динамики поколения, господствующего на политической сцене.

Сегодня, когда у власти в стране поколение “западников”, пытающихся навязать России модель модернизации-вестернизации, мы живем в ритмах всеразрушительного “ускоренного” времени. Оно не совпадает с ритмом национальной политической культуры, и возникающий диссонанс на глазах разрушает все сферы жизни общества. Монетаристская модель в экономике, созданная на Западе для борьбы с инфляцией и падением производства, в России, на иной культурной почве, неожиданно “включила” именно механизмы инфляции и сокращения производства. Эталоны “массовой

культуры”, насаждаемые средствами массовой информации, за несколько лет разрушили традиции национальной культуры. Еще вчера мы гордились тем, что Россия одна из самых “читающих” и образованных стран мира, но уже сегодня мы этого сказать не можем. В кризисном состоянии находятся не только экономика и народное образование, но и социальная сфера, академическая наука, здравоохранение — словом, все общество.

Если политическое время цивилизации зависит от поколения, господствующего на политической сцене, выход из этой ситуации может быть только один—ротация политических элит. При этом необходимо помнить уроки истории: глас нового поколения — не всегда глас Божий. Очередной цикл политического времени не гарантирует благополучия потому, что предыдущий был кризисным—никто не знает “позднего часа истории”. Иногда только активность оппозиции или политических аутсайдеров способна замедлить стрелки политических часов и спасти общество.

Перефразируя У.Джеймса, можно сказать, что избиратели, голосуя за политических лидеров, каждый раз высвобождают скрытую в них политическую энергию, которая становится энергией политического времени, способной как усилить общество, так и погубить его. Поэтому ответственность за политическое время всегда несут люди.

6.3. Наступит ли вновь осевое время истории?

Осевое время как бы призывает нас к безграничной коммуникации.

К.Ясперс

Термин “осевое время” К. Ясперс использовал для обозначения известного исторического периода, положившего начало историческому единству мира. Это последнее тысячелетие до нашей эры: между 800 и 200 гг. В трех древних цивилизациях — Индии, Китае и Греции — начались похожие исторические изменения. Ясперс дал яркую характеристику духовной жизни той эпохи, отметив обостренное ощущение надломленности человеческого бытия, ожидание мировой катастрофы, духовное подвижничество, преобразовательный энтузиазм, стремление к духовному братству,

единству и взаимопониманию.

В осевое время была заложена “духовная основа человечества”, определившая все его последующее развитие. Именно тогда человек осознал “бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открылся ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения.

Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и ясности трансцендентного мира”.

Символическим выражением осевого времени стали философы, отважившиеся “противопоставить себя всему миру”: создатели Упанишад, Будда в Индии, Конфуций и Лао-Цзы в Китае, Заратустра в Иране, Гомер, Гераклит, Парменид, Платон, Аристотель и другие в Греции, пророки Илия, Исая, Иеремия в Палестине. Они совершили необычайный духовный прорыв, попытавшись расширить границы индивидуального человеческого существования и заглянуть в будущее. Благодаря этому был совершен переход от мифологического мышления к логосу — рациональному и разумному объяснению мира.

Почему же возник феномен осевого времени? Вот вопрос, на который до сих пор не найдено удовлетворительного ответа. Ясперс рассмотрел целый ряд гипотез и ни одну из них не счел убедительной.

Действительно, если предположить, что феномен осевого времени в Индии, Китае и Греции возник благодаря “внутреннему субстанциональному единству народной жизни”, благодаря “единому порыву всего человеческого бытия”, это будет не объяснением, а описанием тайны. Также неудовлетворительна гипотеза в русле теории Прогресса, утверждающая что “изменения одинакового рода и в одинаковом направлении” претерпевают все поколения, все народы. Она не учитывает, что осевое время знали только три цивилизации, для остальных этот феномен остался неизвестным.

Сложно объяснить осевое время концепцией “божественного вмешательства”.

К.Ясперс справедливо отмечает, что “это было бы не только salto mortale из сферы познания в сферу видимости познания, но и непозволительной навязчивостью по отношению к божеству”. Известная гипотеза А.Вебера также оставляет целый ряд вопросов. Если согласиться с тем, что одновременность и единообразие осевого времени были следствием вторжения в евроазиатский мир кочевых народов из Центральной Азии, то на сомнение наталкивает продолжительность инкубационного периода (более тысячи лет) между вторжениями кочевников в евроазиатское пространство и началом осевого времени.

Уже в конце III тысячелетия до н.э. кочевники появились в Средиземноморье, в конце II тысячелетия до н.э.—в Китае, около 1200 г. до н.э. — в Иране и Индии. Но период осевого времени —это значительно более поздний этап мировой истории (между 800 и 200 гг. до н.э.). К тому же Палестина не подвергалась нашествию, но ее вклад в “духовное созидание осевого времени” трудно переоценить. Главный же изъян гипотезы А.Вебера заключается в том, что факт завоевания не способен объяснить творческий порыв человека осевого времени. Можно согласиться с тем, что, покорив древние цивилизации, кочевники изменили мировосприятие этих народов: возникло ощущение хрупкости и негарантированности человеческого бытия, трагическое и одновременно героическое сознание. Но нельзя объяснить возникновение созидательных импульсов, творческого порыва людей древних цивилизаций. Да, тайна оси мировой истории остается неразгаданной. Но прав Ясперс, утверждая, что даже

“удивление перед тайной” плодотворно, поскольку способно подтолкнуть научное сознание к дальнейшему поиску. Одним из возможных путей, приближающих нас к разгадке осевого времени, может быть путь выявления смысла. Что же означает для нас осевое время истории?

Рассмотрим ясперовскую схему мировой истории. Он выделяет четыре периода в человеческой истории: 1) прометеевскую эпоху — возникновение речи, появление орудий труда, использование огня; 2) эпоху великих культур древности—письменность, магическая религия, государственность; 3) осевую эпоху — формирование человека в его духовной открытости миру; 4) эпоху науки и техники — мир как единая сфера общения. При этом Ясперс указывает на “два дыхания” мировой истории. Первое дыхание — это прометеевская эпоха, великие культуры древности и осевое время. Второе дыхание начинается с эпохи науки и техники (второй прометеевской эпохи) и, возможно, приведет “к новому, еще далекому и невидимому второму осевому времени, к подлинному становлению человека”.

Несомненно, в ясперовской “осевой” схеме мировой истории заключено одно из возможных объяснений ее единства. Прецедент осевого времени демонстрирует возможность духовного единения человечества. Если в трех древних, почти не соприкасавшихся культурах возникла когда-то единая атмосфера дерзновенных духовных устремлений, то это позволяет надеяться на сохранение такой возможности в будущем. Прав был Ясперс, утверждая, что возможность входит в историю через человеческую мысль о ней.

Столь же плодотворна ясперовская идея о “безграничной коммуникации”, к которой призывает нас осевое время. В архетипах разных цивилизаций, благодаря осевому времени, заложены надежные основания для универсальной коммуникации людей. Осевое время было той общей историей, которая предопределяет возможности грядущей человеческой коммуникации. Безграничная коммуникация позволяет “совершить прыжок вдаль”, избавиться от узких местнических представлений, от притязаний на исключительность в диалоге цивилизаций. В определенном смысле осевое время является духовным эталоном по отношению ко всему последующему развитию человечества.

Оправдаются ли надежды на второе осевое время истории?

В центре осевого времени стоит человек в его духовной открытости миру. Заложенные первым осевым временем духовные основы человеческой сущности сегодня явно надломлены. Сомнение в вере “превратилось в брожение, охватившее все население земного шара”. Нигилизм стал господствующим типом мышления, способным предать забвению историю человечества “от Гомера до Гёте”, он стал худшей разновидностью веры — слепым отрицанием.

Человек вновь стоит над пропастью, осознавая самого себя и свои границы. Субстанциональное беспокойство, душевное смятение, острое ощущение хрупкости и надломленности бытия, предчувствие катастрофы — все это яркие черты Современности и одновременно предпосылки осевого времени. Но нет главного фактора, символизирующего приближение этого времени. Нет созидательного духовного порыва, творческого импульса, способного вновь поднять человечество к вершинам духа. Человек сегодня разрушает, не созидая ничего нового, обозначился трагический разрыв между деструктивной и конструктивной сторонами жизни. Великая дерзновенная цель осевого времени—“превратиться в настоящих людей” —

еще не волнует человечество. Поэтому перспектива второго осевого времени весьма проблематична. С одной стороны, перед лицом глобальных проблем осевое время кажется неизбежным: только объединившись и осознав себя в качестве единого субъекта, человечество может выйти из кризиса. Стремление решать глобальные проблемы в одиночку (как это пытается делать Запад) лишь усугубляет кризис и приближает роковую развязку. С другой стороны, трагическая антиномия человеческого бытия как раз и состоит в том, что между назревшими целями и готовностью их осуществить часто возникают проблемы, которые человек не всегда умеет решать. Сегодня такой проблемой является сам человек, не способный взять на себя ответственность за судьбу человечества, стоящего на краю пропасти. Назрела необходимость новой духовной реформации, поскольку инерция прежнего гедонистически-безответственного отношения к Природе и Культуре грозит человечеству вырождением и даже гибелью.

В индустриальном обществе “коллективного действия” духовная реформация невозможна: в массовом обществе человека давно приучили к мысли, что от его индивидуальных усилий ничего не зависит. Образ индустриального общества формировался инженерным разумом, который требовал адаптации “устаревшего” человеческого мира к требованиям машины. Сегодня, чтобы выжить, человеку необходимо реабилитировать другие стратегии.

Духовная реформация требует возродить ценность индивидуального духовного подвига человека. Он вновь должен поверить в то, что своим личным духовным подвижничеством способен изменить мир. Эта традиция сохранилась в великих культурах Востока, делавших акцент не на технологиях, преобразующих внешнюю среду, а на технологиях, преобразующих внутренний духовный мир человека. Символичны в этом отношении слова Будды: “Я вернусь к людям излечить их от знания, не знающего любви”.

Для того чтобы совершить духовную реформацию, человечеству предстоит реабилитировать незападные культурные традиции, сохранившие духовный потенциал, пригодный для назревшего “взрыва” в культуре. И тогда наши надежды на новую осевую эпоху обретут, наконец, черты реальной исторической перспективы.

6.4. Время политики и время культуры: совпадения и различия в ориентации и перспективе

Любые существующие модели взаимодействия расположены во времени.

Э.Гидденс

Вопрос о взаимосвязи социокультурного и политического времени — это вопрос о том, насколько политический процесс детерминирован культурой. Известно, что время никогда не бывает нейтральной количественной шкалой для измерения человеческого опыта. Социокультурное время отражает ритмы коллективных действий в каждой цивилизации, политическое время—ритмы политической жизни. Как и пространство, время выступает универсальным контекстом любой культуры. П.Сорокин и Р.К.Мертон подчеркивают, что “системы времени варьируются вместе с социальной структурой”.

Точки отсчета для измерения социокультурного и политического времени в каждой цивилизации выбираются среди событий, социальная значимость которых зависит от национальных традиций и обычаев. Социальные антропологи считают, что основанием для определения длительности недели в каждой цивилизации может служить повторяющийся ритм рынка и ярмарок: восемь дней в раннем Риме, десять—в Китае, семь—в иудео-христианской традиции, пять или шесть — в отдельных районах Африки и Центральной Америки. Несомненно, счет времени отражает также биологическую необходимость в отдыхе для большинства людей. Один день обязательно выделяется для отдыха или религиозных ритуалов и молитв (воскресенье — в христианстве, суббота — в иудаизме, пятница — в исламе).

При этом социокультурное время обеспечивает определенные рамки для каждого типа человеческой деятельности — политической, экономической, социальной. Вместе с тем любой из этих видов деятельности обладает собственной, отличной от других, временной матрицей. И здесь возникает закономерный вопрос: в какой степени социокультурное время способно определять ритмы времени политического? Или какова степень “свободы” политиков от национальных социокультурных традиций?

Обращаясь к социокультурной временной ориентации, можно выделить несколько основных аспектов: уровень и глубину осознания времени, вектор времени и доминирующие ценности. Каким образом все эти факторы влияют на матрицу политического времени?

Начнем с уровня и глубины осознания времени. Исследователи отмечают, что для социокультурных процессов наблюдается пропорциональная зависимость: чем выше уровень социокультурного развития цивилизации, тем выше уровень осознания социокультурного времени. Как пишет П.Штомпка, “на одном полюсе — одержимая озабоченность течением, прохождением, недостатком времени и т.д. (синдром “время—деньги”), на противоположном — безразличие, пренебрежение временем, вседозволенность обращения с ним (синдром “отложим на завтра)””.

На ранних стадиях развития культуры ритм задают периоды сбора урожая, охотничьи сезоны, периоды дождей или засухи. Е.Эванс-Причард заметил, изучая племена нуеров в Судане, что они живут сиюминутным временем, воспринимают лишь настоящий момент, связанный либо с метеорологическими условиями, либо с естественным окружением и повседневной деятельностью. Наблюдения Эванса-Причарда

подтверждает Б.Адаме. По ее мнению, время в жизни ранних обществ было чем-то вроде вторичной, зависимой переменной, выполняющей исключительно инструментальные функции.

На более поздних этапах развития культуры ритм задают религиозные праздники, торговые ярмарки, социальные и политические ритуалы. В индустриальном обществе время превращается в центральный координатор человеческой деятельности. Дж.Гуди пишет, что время — “это ключевая машина современного мира, превосходящая по важности паровой двигатель”. Помимо ритма трудовой недели в рыночном обществе важное значение имеют сезонные распродажи и каникулы. Поэтому временные периоды, даже номинально равные, проходят с неодинаковой скоростью, а даты имеют не только календарное, но и культурное значение.

Для индустриального человека время принимает форму ресурса, который можно потратить, сэкономить, продать, распределить или обменять. Л.Мэмфорд пишет: “Оплата по часам, контракты по часам, работа по часам, еда по часам; и ничто не свободно до конца от печати календаря или часов”. Деспотизм времени свидетельствует о том, что оно перестает играть роль рабочего инструмента и превращается в независимую переменную, определяющий фактор социально-политической жизни.

Однако уровень осознания социокультурного времени не однозначно влияет на матрицу политического времени цивилизации. Тоталитарные политические режимы XX века, возникшие в развитых странах (фашистская Германия, Италия в период правления Муссолини, франкистская Испания) с высоким уровнем восприятия социокультурного времени, продемонстрировали низкий уровень осознания времени политического, вседозволенность обращения с ним. Диктаторы вообще склонны преувеличивать свои возможности: им часто кажется, что они способны остановить стрелки политических часов, заставить служить себе демона политического времени. И каждый раз это заканчивается катастрофой. Драматический разрыв между высоким уровнем осознания социокультурного времени и низким — политического погружает общество в хаос волюнтаристских решений. Другая группа факторов, существенно влияющих на социокультурное время, включает вектор ориентации и доминирующие ценности. Существуют цивилизации, которые “живут историей”, они обращены назад — к событиям и традициям славного прошлого; есть такие, которые тесно связаны с настоящим, живут сегодняшним днем и в нем находят источник энергии, но имеются и цивилизации, обращенные в будущее, для которых магическим значением наделено слово “завтра”. Принято считать, что американское и российское общества имеют преимущественно перспективную ориентацию, китайское использует настоящее как центральную точку, из которой поток существования растекается в обе стороны, а индийское живет ретроспективной ориентацией.

В то же время внутри каждой цивилизации также существует дифференциация: различные этнические, религиозные и профессиональные группы могут выбирать свою временную перспективу. Как отмечает П.Штомпка, в американском обществе средний класс ориентирован на будущее: он стремится к достижениям и карьере и готов отложить немедленное вознаграждение на завтра. Так же ориентированы представители большинства профессий, поскольку реалистично оценивают время. Но отдельные регионы (Старый Юг) или патриархальные семьи живут своими воспоминаниями о прошлом. Наконец, маргинальные слои общества — бродяги,

бездомные, безработные — живут исключительно сегодняшним днем.

Если вектор социокультурного времени складывается из суммы социокультурных ориентации всех слоев и групп общества, то вектор политического времени зависит преимущественно от поколения, господствующего на политической сцене.

Следовательно, направление политического времени может достаточно часто меняться, не совпадая с социокультурной традицией. Такая ситуация часто возникает в модернизирующихся странах. Общество в целом может иметь ретроспективную направленность, отдавая предпочтение повторяемости, сходству и порядку, а вектор политического времени — перспективную, ориентируя на изменения, новизну и прогресс. Наступает ситуация драматического напряжения, намечается болезненный разрыв, который может спровоцировать гражданскую войну.

Политический класс должен чутко прислушиваться к ритмам национальной культуры, чтобы не нарушить тонкой гармонии социума. В культуре существуют парадоксы, когда на крутом повороте развития неожиданно самое архаичное оказывается самым перспективным. Большевики в России истребляли кулаков, но именно кулаки могли бы стать классом перспективных фермеров, способных накормить голодную страну. В запасе у политического класса должны быть технологии, выявляющие такие парадоксы культуры. Арабская пословица гласит: на крутом повороте хромой верблюд оказывается первым. Нетерпеливые модернизаторы привыкли жестоко расправляться с архаичными национальными традициями, видя в них “хромого верблюда”. Но искусство политики как раз и состоит в том, чтобы заставить социокультурные традиции служить политическим целям.

Сравнивая социокультурное и политическое время цивилизаций, нельзя не заметить, что одни и те же события общественной жизни выглядят по-разному в этих двух временных матрицах. Жаркие дебаты в парламенте и падение кабинета, смена правительства, ротация политических элит — все эти события значительно влияют на политическое время и часто весьма несущественны для социокультурного измерения. Политическое время как бы встроено внутрь более “крупного” социокультурного времени. Поэтому в тех случаях, когда ритмы культурной и политической жизни совпадают, наступает явление резонанса— общество получает “второе дыхание”, испытывает небывалый подъем культуры.

Интересно, что в периоды такого “благополучного” развития, когда все сфокусировано на изменениях и движении вперед, интерес к социокультурным традициям у политиков слабеет. Политические лидеры вообще склонны переоценивать значение политического времени для судьбы культуры. Широко распространено мнение о том, что в наш динамичный век новизна и оригинальность политических решений становятся доминирующими ценностями. Основное внимание уделяется политическим технологиям, в которых политики видят инструменты рационального изменения мира: “Священность и незыблемость прошлого культуры как главного символического регулятора социальных, политических и культурных изменений уступают место инновациям и ориентации на будущее как на базовые культурные изменения”. Однако в период политических кризисов общество неизменно обращается к забытым социокультурным традициям, ищет опоры в привычных ритмах социокультурного времени, апеллирует к опыту предшествующих поколений. Политическое и социокультурное время—это два мощных потока, которые, соединяясь, становятся неиссякаемым источником динамики цивилизации.

Вопросы для обсуждения и дискуссии

1. Почему разные цивилизации отличаются своей временной ритмикой? Какие типы политического времени сегодня известны?
2. Сравните время-кайрос и время-хронос, циклическое и линейное время. Каковы преимущества и издержки каждого из них?
3. Как вы оцениваете перспективу наступления нового “осевого времени” в истории?
4. Согласны ли вы с критиками ускоренного политического времени?
5. Как соотносятся и взаимопроникают политическое и социокультурное время цивилизации?
6. Согласны ли вы, что главной движущей силой циклов политического времени выступает жизненный опыт поколений? Известно, что поколенческий цикл на Западе длится около 30 лет. Сохраняет ли этот вывод свое значение для других культур?
7. Если сегодня в диалоге цивилизаций нет единого для всех пространства-времени, то какими вы видите перспективы взаимопонимания и выработки универсальной временной ритмики?